

Кубайдулова Айсулу Юрьевна

ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДНЕВНИКЕ К. И. ЧУКОВСКОГО

Статья посвящена исследованию танатологической проблематики в дневнике К. И. Чуковского. Тема смерти - одна из немногих, которая сопровождает записи литератора на протяжении всех 69 лет ведения дневника. В своих записях писатель поднимает вопрос о смертной казни и описывает свой опыт посещения танатологического пространства крематория. Также на страницах дневника К. И. Чуковского встречаются интерпретационные модели "Танатос как возмездие" и "Танатос как избавление".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.94

Статья посвящена исследованию танатологической проблематики в дневнике К. И. Чуковского. Тема смерти – одна из немногих, которая сопровождает записи литератора на протяжении всех 69 лет ведения дневника. В своих записях писатель поднимает вопрос о смертной казни и описывает свой опыт посещения танатологического пространства крематория. Также на страницах дневника К. И. Чуковского встречаются интерпретационные модели «Танатос как возмездие» и «Танатос как избавление».

Ключевые слова и фразы: дневник; К. И. Чуковский; Танатос; литературоведческая танатология; тема смерти.

Кубайдулова Айсулу Юрьевна

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
ayusulukubaydulova@gmail.com*

ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДНЕВНИКЕ К. И. ЧУКОВСКОГО

Интерес к такому переходному состоянию, как смерть, прослеживается на всех этапах развития мировой литературы. В одном из своих эссе И. Бродский называет тему смерти лакмусовой бумажкой поэзии [2, с. 40]. Существует целая наука, которая занимается проблемами функционирования образа смерти в литературном произведении, – литературоведческая танатология.

Танатологическая проблематика стала предметом рефлексии и для К. И. Чуковского. Однако размышления писателя над этим вопросом находят отражение не столько в художественном творчестве, сколько на страницах его дневника. Едва ли не единственным произведением К. И. Чуковского, где герои погружены в танатологический хронотоп войны и свободно оперируют лексемами «убить», «растерзать», «уничтожить», является милитаристская сказка «Одолеем Бармалея». Находясь в 1942 году в эвакуации в Ташкенте, К. И. Чуковский создавал свою сказку с целью поддержать страну, терпевшую одно поражение за другим. «Одолеем Бармалея» отличалась от детских произведений писателя своей особой жестокостью: например, главный злодей по «всенародному приговору» [10, с. 486] был расстрелян из автомата. К тому же она оказалась провальной и с художественной точки зрения. Впоследствии К. И. Чуковский сам признавал, что эта сказка стала его откровенной неудачей.

Обращаясь к дневнику К. И. Чуковского, который писатель вел почти непрерывно на протяжении 69 лет, следует отметить, что он содержит богатейший материал. На страницах дневника можно проследить возникновение и развитие творческих замыслов писателя, встретить наброски литературных портретов современников. Дневник содержит в себе фиксации личных состояний писателя, наблюдения, касающиеся быта и бытия человека в своем времени и культуре, а также рассуждения по очень широкому спектру вопросов, в том числе посвященные танатологической проблематике.

Первые серьезные размышления над этой проблемой были связаны с попыткой осмыслить такой социальный феномен, как смертная казнь. Эти рассуждения были ответной реакцией на «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева и получили отражение в статье «На коленях», вышедшей 22 сентября 1908 года в газете «Утро». Мысли К. И. Чуковского в этой статье созвучны размышлениям В. Г. Короленко в «Бытовом явлении» – заметке публициста о смертной казни. Оба писателя рассуждают о том, что смертная казнь «превратилась в будничное бытовое явление» [3, с. 269], а также задаются вопросами: когда смертная казнь стала привычкой и как это изменить? Понимая актуальность темы, К. И. Чуковский фиксирует в дневнике свою идею «напечатать в “Речи” мнение о смертной казни Репина, Леонида Андреева, Короленки, Горького, Льва Толстого» [7, с. 161]. Однако замыслу писателя не суждено было воплотиться в жизнь: с купюрами в свет вышла только статья Л. Н. Толстого. Тем не менее на страницах дневника К. И. Чуковский отразил свой разговор с В. Г. Короленко, из которого вполне ясна позиция последнего. Мысли В. Г. Короленко были близки идее, постулируемой в «Рассказе о семи повешенных»: смертная казнь противоестественна, ибо никто не знает наверняка время своей смерти. Страшна не сама смерть, а «знание ее; и было бы совсем невозможно жить, если бы человек мог вполне точно и определенно знать день и час, когда умрет» [1, с. 49].

Самое сниженно-телесное, физиологическое описание смерти появляется на страницах дневника писателя в страшные годы Гражданской войны – эпохи грандиозного исторического перелома, которая привела к разрушению народных и религиозных традиций (в частности погребальных). Описывая в дневнике посещения крематория, К. И. Чуковский замечает: «У меня все время было чувство, что церемоний вообще никаких не осталось, все начистоту, откровенно» [7, с. 313]. Как и в любую другую переходную эпоху, в это время происходила смена культурных парадигм, предполагающая кардинальный слом существующей системы ценностей.

На страницах своего дневника К. И. Чуковский делится впечатлениями: воссоздает интерьер крематория, где ему было предложено прогуляться по «исковерканным залам, имеющим сифилитический вид» [Там же, с. 312-313], подробно описывает покойников – «...мрачные, каторжные лица с выражением застарелой зубной боли мрачно цепенеют у стен» [Там же, с. 313] или «Перед этим мы смотрели на какую-то умершую старушку – прикрытую кисеей – синюю, как синие чернила» [Там же]. К. И. Чуковский подчеркивает развлекательный характер мероприятия: «Был Борис Каплун... <...> Он брэнчал на пьянино, скучал и жаждал развлечений. – Не поехать ли в крематорий? – сказал он, как прежде говорили: “Не поехать ли в «Кюба» или в Виллу «Родэ»?» [Там же, с. 312]. В связи с этим восторг спутников писателя, наблюдавших за процессом кремации, можно сравнить с эмоциями, получаемыми от сценического действия:

«Сквозь отверстие было видно, как горит его гроб – медленно (печь совсем холодная), как весело и гостеприимно встретило его пламя. Пустили газу – и дело пошло еще веселее. Комиссар был вполне доволен: особенно понравилось всем, что из гроба вдруг высунулась рука мертвеца и поднялась вверх – “Рука! рука! смотрите, рука!” – потом сжигаемый весь почернел... и из его глаз поднялись хорошенькие голубые огоньки. “Горит мозг!” – сказал архитектор. Рабочие толпились вокруг. Мы по очереди заглядывали в щелочку и с аппетитом говорили друг другу: “раскололся череп”, “загорелись легкие”, вежливо уступая дамам первое место» [Там же, с. 314].

При знакомстве с дневниковыми записями К. И. Чуковского становится ясно, что крематорий полон трупов людей, умерших насильственной смертью: *«хорошенький юноша красноармеец... с распоротым животом» [Там же, с. 313] и т.д.* Во все времена войны и революции приводили к обесцениванию человеческой жизни. То же мы видим и в дневнике писателя: прерванные жизни молодых красноармейцев не вызывают у присутствующих сильных эмоций. К. И. Чуковский указывает на общее отношение к покойникам, как к *«не-нужной падали, которую сейчас сунут в печь» [Там же] и чей прах впоследствии не захоронят, а будут использовать в качестве удобрения: «...кругом говорили о том, что урн еще нету, а есть ящики, сделанные из листового железа (“из старых вывесок”), и что жаль закапывать эти урны. Все равно весь прах не помещается. “Летом мы устроим удобрение!” – потирал инженер руки» [Там же, с. 314].* Поддавшись общему отношению к ожидавшим кремации трупам, К. И. Чуковский совершает поступок, о котором позднее будет жалеть, – подбирает и прячет в карман одну из сваленных в угол человеческих костей. По возвращении домой писатель, раскаиваясь в содеянном, рефлексировал: *«Все эти оранжевые голые трупы тоже были когда-то Мурочками (младший ребенок К. И. Чуковского – А. К.) и тоже говорили когда-то впервые – па-па!» [Там же].*

На страницах дневника К. И. Чуковского встречается несколько моделей интерпретации Танатоса. Например, осмысление Танатоса как возмездия. 1 февраля 1928 г. в «Правде» вышла статья Н. Крупской «О “Крокодиле” Чуковского», ставшая отправной точкой в борьбе с «чуковщиной». Многолетняя травля писателя получила такое название по принятой на собрании Кремлевского детского сада 7 марта 1929 г. резолюции «Мы призываем к борьбе с “Чуковщиной”». Для писателя, произведения которого «*мариновались*» [Там же, с. 254] в редакциях и типографиях, настали тяжелые времена: *«Как критик я принужден молчать, ибо критика у нас теперь рапповская, судят не по талантам, а по партбилетам. Сделали меня детским писателем. Но позорные истории с моими детскими книгами – их замалчивание, травля, улюлюканье – запрещения их цензурой – заставили меня сойти и с этой арены» [8, с. 250].* Повсеместное публичное линчевание и запрет на печать, суливший голод и нищету, заставили К. И. Чуковского, отца большого семейства, подписать письмо с покаянием, в котором литератор отрекался от своих прежних сказок и обещал написать сборник «Веселая колхозия». Заявление К. И. Чуковского было включено в опубликованную 30 декабря 1929 года в Литературной газете статью А. Б. Халатова «К спорам о детской литературе». После публикации этого письма семью К. И. Чуковского постигла страшная трагедия – продолжительная, тяжело протекающая болезнь младшей дочери Муры, итогом которой стала ее смерть в 1931 году. Писатель, вынужденный наблюдать медленное и мучительное угасание любимой дочери, воспринимал ее болезнь как кару за отречение от своих произведений.

Еще при жизни дочери К. И. Чуковский начал писать повесть «Солнечная» о крымском детском костно-туберкулезном санатории. Эта повесть, которую писатель наделил жизнеутверждающим пафосом, считается наиболее «советской» из всех произведений К. И. Чуковского. М. А. Обухова в своем диссертационном исследовании отмечает, что писатель в «Солнечной» «*травестировал важнейший внутренний опыт, подогнав его под социальный заказ эпохи*» [5, с. 18-19]. «Чуковский не раскрылся, а в очередной раз спрятал себя в повести» [Там же, с. 19]. Исследователи творчества писателя отмечают, что К. И. Чуковскому с его карнавальской поэтикой было свойственно даже в автобиографических повестях надевать маски. М. Липовецкий в статье «Трикстер и “закрытое общество”» говорит о том, что «*бессознательное или сознательное трикстерство характерно для разнообразных советских деятелей культуры, проживших долгую творческую жизнь*» [4], в том числе и для К. И. Чуковского.

Еще одна интерпретационная модель, встречающаяся на страницах дневника К. И. Чуковского, – «Танатос как избавление». Дело в том, что К. И. Чуковский всю свою жизнь страдал мигренями и бессонницей. В минуты острых приступов писатель фиксировал в дневнике свое страстное желание смерти, которая послужила бы долгожданным избавлением. С одной стороны, избавлением от ужасных мучений, которые приходилось испытывать писателю. А с другой стороны, избавлением от себя самого: *«Спал часа два – спасибо, хоть на минуту я прекратился. В неспянье ужасно то, что остаешься в собственном обществе дольше, чем тебе это надо. Страшно надоедаешь себе – и отсюда тяга к смерти: задушить этого постылого собеседника, – затуманить, погасить. Страшно жаждешь погашения своего я» [8, с. 143].* Зная о проблемах К. И. Чуковского, семья писателя с трепетом относилась к его отдыху. Внук литератора Евгений Чуковский, который после гибели отца на фронте воспитывался в семье деда, писал в своих воспоминаниях: *«Сон его (К. И. Чуковского – А. К.) был священ. Разбудить его – преступление» [6, с. 301].* Чтобы обеспечить комфортный отход ко сну, члены семьи К. И. Чуковского по очереди читали писателю вслух. В речи литератора даже появилось устойчивое словосочетание *«зачитывать меня» [8, с. 298].* Сначала эта обязанность – «зачитывать» – была возложена на детей, а впоследствии перешла ко внукам. В дневнике К. И. Чуковского довольно часто встречаются записи с указаниями на то, кто «зачитывает» и каким произведением.

Со временем тема смерти в дневнике К. И. Чуковского постепенно начинает сопрягаться с темой старости. С годами писатель начинает все чаще констатировать свой возраст. Среди датированных дневниковых заметок К. И. Чуковского выделяются записи, приуроченные ко дню рождения или Новому году, в которых писатель

подводил итоги и строил планы на будущее. После ухода из жизни М. Б. Чуковской, жены писателя, еще одним значимым моментом, по которому К. И. Чуковский отмеряет течение времени, становится дата ее смерти.

В своем дневнике К. И. Чуковский отражает как физиологический, так и психологический комплекс, связанный со старением человека. Писатель наблюдает не только за собой, но и за своим окружением: «Как долго сохранял Пастернак юношеский, студенческий вид, а теперь это седой старичок – как бы присыпанный пеплом» [9, с. 199]. Наблюдения К. И. Чуковского за своими возрастными изменениями всегда имеют негативный окрас: «Стыдно седых волос, как позора» [Там же, с. 143] или «Разглядывая свои последние фото, я понял, что я действительно безобразно стар, изношен, отвратителен – и упрямил фотографа из “Литературной России” не снимать меня. Он глянул на меня и согласился. Стыдно быть таким отпалкивающим» [Там же, с. 437]. Однако самый страшный аспект старения для К. И. Чуковского – проблемы с памятью, которые влекли за собой трудности в работе, что для литератора было равносильно смерти.

О собственной грядущей смерти К. И. Чуковский говорит часто и много. Писатель несколько раз примеряет предполагаемый год смерти: «...я сижу за столом и думаю, что в конце концов сочетание цифр 1882-1949 – весьма завидная комбинация, на которую стыдно роптать, и что в порядке вещей, чтобы эта последняя цифра оказалась и вправду последней» [Там же, с. 110]. Выбрав участок на переделкинском кладбище рядом с могилой жены, которую писатель пережил на 14 лет, К. И. Чуковский часто использует выражения «моя могила» [Там же, с. 362] или «наша могила» [Там же, с. 202].

Особенно К. И. Чуковскому нравилось противопоставлять свою болезненную старость наполненному здоровьем и энергией детству своих правнуков. В записях, посвященных правнукам, «вытесняющим» [Там же, с. 220] его из мира, писатель обращается к метафоре о двух сообщающихся сосудах: «что приобретает она (Марина – правнучка К. И. Чуковского), то теряю такими же темпами я» [Там же, с. 432]. Излюбленным развлечением К. И. Чуковского было воображать, что будет с его правнуками через много лет, когда самого писателя уже не будет в живых: «В январе 2000 года ему (речь идет о Д. Д. Чуковском) пойдет 32-й год. В 2049 году он начнет писать мемуары: “Своего прадеда, небезызвестного в свое время писателя, я не помню. Говорят, это был человек легкомысленный, вздорный”» [Там же, с. 542].

Подводя итог, следует сказать, что танатологическая проблематика – одна из немногих, которая сопровождает записи К. И. Чуковского на протяжении всех лет ведения дневника. Танатос для писателя – это не абстрактная категория. Постоянное возвращение К. И. Чуковского к танатологической проблематике неслучайно. Писатель, жизненный путь которого пришелся на эпоху сильнейших социальных потрясений, пережил не только жену, но и троих из четверых своих детей. Прожив 87 лет, К. И. Чуковский похоронил и большую часть писателей-современников. Таким образом, осмысление Танатоса, на наш взгляд, было для писателя способом рефлексии, возможностью пережить утрату.

Список источников

1. Андреев Л. Н. Рассказ о семи повешенных // Андреев Л. Н. Полное (академическое) собрание сочинений и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2013. Т. 6. Художественные произведения 1908 года. С. 46-110.
2. Бродский И. А. Муза плача // Бродский И. А. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. V. С. 28-42.
3. Короленко В. Г. Бытовое явление // Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. / сост., подгот. текста Б. Аверина; примеч. Б. Аверина, Е. Павловой. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 3. Рассказы, 1903-1915; Публицистика; Статьи; Воспоминания о писателях. С. 260-314.
4. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 02.03.2017).
5. Обухова М. А. К. И. Чуковский и С. Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2007. 20 с.
6. Чуковский К. И. Про Деда // Воспоминания о Корнее Чуковском / сост. и коммент. Е. Ц. Чуковская, Е. В. Иванова. М.: Никая, 2012. С. 295-308.
7. Чуковский К. И. Дневник: в 3-х т. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисловие В. Каверина. М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. Т. 1. 1901-1921. 592 с.
8. Чуковский К. И. Дневник: в 3-х т. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. Т. 2. 1922-1935. 656 с.
9. Чуковский К. И. Дневник: в 3-х т. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. Т. 3. 1936-1969. 640 с.
10. Чуковский К. И. Одолеем Бармалея // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. / сост., коммент. Е. Чуковской. Изд-е 2-е, электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. Т. 1. Произведения для детей. С. 454-490.

THANATOLOGICAL SUBJECT MATTER IN THE DIARY OF K. I. CHUKOVSKY

Kubaidulova Aisulu Yur'evna

Samara University

aysulukubaydulova@gmail.com

The article focuses on the research of the thanatological subject matter in the diary of K. I. Chukovsky. The theme of death is one of the few issues that is present in the writer's notes throughout 69 years of the diary keeping. The writer raises the question of death penalty and describes his experience of visiting the thanatological space of a crematory. Moreover, such interpretative models as “Thanatos as retribution” and “Thanatos as deliverance” are also mentioned in the diaries of K. I. Chukovsky.

Key words and phrases: diary; K. I. Chukovsky; Thanatos; literary studies of thanatology; theme of death.